

разве
бывают
такие
груши
?

Ирина Борисова
рассказы

Ирина Борисова

**Разве бывают такие
груши? Рассказы**

«Издательские решения»

Борисова И.

Разве бывают такие груши? Рассказы / И. Борисова —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-835373-4

«Вроде бы эта проза стрекочет, наивно улыбаясь, про разную ерунду, из которой состоит жизнь горожанок, заурядно несчастных, никому не нужных, разве что собственным детям. Но такой насмешливый, такой бесстрашный ум сверкает в якобы случайной якобы болтовне, что иной рассказ Ирины Борисовой переживаешь чуть ли не как победу — Пиррову, конечно, а все-таки победу над общей нашей исторической участью. Да, возможно, мы проигрались в прах, но умеем презирать проигрыш. Вот как этот автор». Самуил Лурье

ISBN 978-5-44-835373-4

© Борисова И.
© Издательские решения

Содержание

Хозяйка	6
Я могла бы назвать себя ретрофобом	6
Мы, начало девяностых	8
Счастье	10
Литература	12
Если бы да кабы	14
Новое	16
Моя бухгалтерия	17
Начало бизнеса	18
Интернет	19
Можно быть, можно казаться	21
Бабушка	22
На дешевых базарах	24
Закрытие темы	25
Дети	27
Последний романтик	29
Структура	31
Злые духи	32
Быть или не быть	34
Если	35
Тогда и теперь	36
Недвижимость Санкт-Петербурга	38
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Разве бывают такие груши?

Рассказы

Ирина Борисова

© Ирина Борисова, 2016

© Год Гринуэй, 2001, дизайн обложки, 2016

Редактор Наталья Нутрихина

ISBN 978-5-4483-5373-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Хозяйка дневник оптимистки

Я могла бы назвать себя ретрофобом

Говорят, изучая крыс, ученые обнаружили, что некоторые из них ведут себя разумно и осторожно, а некоторые лезут везде, куда только можно, проявляя безрассудную храбрость. Ученые назвали осторожных крыс «неофобами», то есть не любящими новое, утверждая, что природа их создала для стабильности и баланса, в противовес шальному активному виду.

Что касается меня, я, конечно, отношусь к активным крысам, храброй я бываю тоже скорее от неспособности осмыслить происходящее и от привычки сначала ввязаться в драку, а потом уже разбираться, как из нее выпутаться. Я, наверное, даже могла бы назвать себя «ретрофобом», потому что в разные времена моей жизни наступали моменты, когда я чувствовала, что хотя то, чем я живу, все еще продолжается, но, по сути, оно для меня уже кончилось, осталось лишь предпринять формальные шаги. Сейчас похожий момент, и когда мне предложили писать этот дневник, я немедленно согласилась, хотя не очень представляю, куда меня вынесет. Я воображаю немногих знакомых с моим творчеством компетентных людей, укоризненно качающих головами, а, может, и произносящих не очень лестные для меня слова. Они скажут (может, вот прямо сейчас и говорят), что вот и я тоже, как другие, суечусь, размениваюсь на потребу публике, что надо, как раньше, быть максималисткой, ждать, когда пережитое выкристаллизуется в несколько хороших (а, может, и не слишком) рассказов. И все же я рискну и использую данный мне шанс высказаться в этой свободной манере, время покажет, сумею ли я подпрыгнуть и коснуться рукой потолка, или стану лишь бестолково переминаться в толпе попрошаек, выклянчивающих у жизни, публики и судьбы медный грош популярности.

Надо, наверное, представиться. Что касается возраста, скажу, что я замужем тридцать лет. Ни я, ни окружающие в этот возраст не верим. Образование не важно, ничего от него не осталось, кроме недоуменного жеста, как это меня угораздило. По поводу профессии – их у меня сейчас много, трудно выделить главную, можно, наверное, сказать, что я, в том числе, и писатель, но незнакомым людям я представляюсь таким образом только в минуты возвышенного настроения. Про остальные профессии потом расскажу. Увлечений сейчас, наверное, нет. В последние годы увлечением были многочисленные работы, сейчас я к ним поостыла, хоть, к сожалению, по-прежнему нет на то материальных оснований. И все же, в последнее время я обрела если не убежденность, то новую идею, что проблемы, в первую очередь, решаются в голове, а потом в реальности. И если перестаешь чего-то бояться, значит, бояться, и правда, нечего.

Этот свой отход от материализма я могу если не обосновать, то хотя бы немного объяснить, например, вот таким примером. Я сегодня шла через ближайший парк из налоговой инспекции, куда часто хожу, будучи бухгалтером нашей фирмы (одна из моих профессий) к бабушке (так называю маму) навестить ее и принести продукты. Это заснеженное пространство с так и не выросшими толком деревьями, высаженными лет тридцать назад, и с заводиком, на котором льют в бутылки минеральную воду, посередине. Я шла и вспоминала, как гуляла здесь когда-то летом с коляской, как, уходя из квартиры, ставила, по наущению родителей, сигнализацию от воров, как мой отец однажды нашел меня идиллически кормящей уток у пруда, а я сразу поняла по его походке, что что-то случилось, и, оказалось, и правда, испортилась сигнализация (тогда еще не было милицейских), она ревела на весь дом, и невозможно было ее унять. Я вспоминала, как я потом поднимала своего уже подросткового сына, ставила в оконный

проем завода, и он мог по часу наблюдать, как двигаются по конвейеру бутылки. Я вспоминала, как я шла здесь много лет спустя ранней осенью из той же налоговой, желая сократить путь, и чем дальше углублялась в парк, тем более понимала, что пошла через него напрасно, на мне были замшевые сапоги, и накануне был сильный ветер и дождь, обещали наводнение, лужи были по щиколотку. Я вспоминала, как я потом писала об этом и о питерских наводнениях своему другу в Канаду, я писала ему тогда по электронной почте каждый день, чтобы развлечь немного в дни серьезной болезни. Я вспоминала и как шла потом еще несколько лет спустя тоже в дождь через этот же парк из той же налоговой и как вспоминала, как писала умершему другу. И вот сегодня я опять шла через заснеженный парк, и вспоминала все это, а другие женщины гуляли по нему с колясками, и я думала, что парк этот, сам по себе – всего лишь пустырь с заводиком посредине и с замерзшими теперь прудами, но у каждого из находящихся в нем людей свое представление о нем, и даже, как у меня, множество разных представлений, этот парк, как новогодний презент, завернутый в большое количество разноцветных блестящих оберток, взволнованно разворачивая которые, забываешь, к чему стремишься, а, развернув, и увидев прозаические конфеты или флакон туалетной воды, вздохнешь разочарованно, будто под всеми этими обертками ожидал увидеть что-то совсем другое.

2004

Мы, начало девяностых

Муж одной моей знакомой, официант, встретившись с нами в театре в начале нашей семейной жизни, определил нас, как «умненькие люди», и оттенок презрительности объяснялся, наверное, тем, что в наших отношениях с внешним миром чувствовался тогда некоторый холодок и натянутость. Мы с Гришей были домашние, вдумчивые дети, мы познавали жизнь не хаотически, а целенаправленно, узнавая то, что каждому из нас хотелось, двигаясь в намеченном направлении. Гриша увлекался радиотехникой, чуждался шумных компаний, стандартных увеселений, праздной суеты. Выйдя за него замуж, я тоже привыкла без всего этого обходиться, я сочиняла рассказы, которые, большей частью, складывала в стол, потому что писать в те времена следовало скорее то, что было нужно кому-то неведомому, кто застолбил и регламентировал все сферы жизни, определил пределы, степени, и самую возможность проявления способностей, чувств, любого умения. И надо было подстраиваться и принимать правила, либо не играть вовсе, мы с Гришей не играли.

В конце восьмидесятых в стране заворочалось, как дельфин из моря, показываясь то одним, то другим боком, нечто новое: как грибы после дождя возникли кооперативы, шустрые мальчишки организовывали пошив плащей, кожаных курток, пооткрывались видеосалоны, кооперативные магазинчики с сумасшедшими ценами, куда можно было разве зайти посмотреть. Социалистические допуски и регламенты размывались и рушились; старое, не потеряв еще окончательно лица, пятилось, отступало, теснимое долгожданнами, восхитительными в неприкрытой откровенности и простоте, свободными от приличий и предрассудков рыночными отношениями. Вставал вопрос – а если это надолго, а если навсегда? Хотя слово «навсегда» вряд ли годилось: за несколько лет, как в убыстренной киносъемке, наслаиваясь друг на друга, облетали, как листья с деревьев, лозунги, установки, лица, нарастали новые и облетали опять. Были проглочены и отвергнуты километры разоблачительных газетно-журнальных публикаций, состояния «ура» и «долой» уступили место времени, когда, как старый башмак, была отброшена всякая убежденность. Стало понятно, что процессу перемен далеко до финала, и что многое еще можно будет пронаблюдать. Ожидали скорее худшего, понятие «навсегда» было вытеснено понятием «сегодня», от силы «завтра», и все потихоньку привыкли так жить.

Я успела перекочевать в музей-квартиру Кржижановского прежде, чем моим бывшим коллегам по НИИ стало не на что существовать. Меня спасло мамино воспитание, теория о том, что «женщина должна быть женщиной» в смысле добывания продуктов, таскания сумок и обеспечения нашему сыну Алеше нормального, без продленки и сухомятки, первого класса. Музей-квартира финансировалась энергетическим комплексом, зарплата худо-бедно отслеживала инфляцию, музей-квартиру редко посещали как начальство, так и экскурсанты, закрыть ее ни у кого не доходили руки, и я, ее единственная сотрудница, директор и уборщица, осталась предоставлена сама себе.

Что касается Гриши, он ушел в никуда со своей еще стабильной, прилично оплачиваемой работы, чувствуя, что накатывает совсем новая, неизвестная жизнь, что надвигается смутное неясное время, что система, казавшаяся незыблемой, шатается и готова рухнуть. Все газеты в один голос пугали крахом, экономической катастрофой, любимая тема разговоров была, что это за штука экономический кризис, и как это в реальности будет. Гриша почувствовал, что если ничего не предпринимать, неизвестная жизнь захлестнет и раздавит, а еще он надеялся применить, наконец, в этой новой жизни все свои не очень-то востребованные при социализме радиотехнические умения, хоть со стороны этот шаг и казался безумством во времена эквивалентности сырной головки и месячной зарплаты. Уйдя с работы, Гриша в первый момент вздохнул с облегчением, избавляясь от конторской мертвечины, сразу принялся хвататься за все

подворачивающиеся заказы, ездил в Кронштадт, оснащая там видеосалоны, мастерил автомобильные сигнализации, вскоре, кажется, нашел приносящие более-менее стабильный доход заказы – приборы для нанесения порошковой краски, востребованные тогда кооператорами, оформил предприятие, с которым мы сначала не знали, что делать, и, спросив подписавшего нам окончательные бумаги в банке юриста: «А что теперь?» и получив ответ: «Работайте», хотели, но постеснялись спросить еще: «Как?»

2004

Счастье

Моя знакомая, одинокая женщина, начитавшаяся моих записок, тоже написала записки и прислала их мне. В них она пишет, что хочет любви, хотя понимает, что это желание в сорок пять лет, когда у тебя двое взрослых сыновей, да еще добро бы весной, а то посреди зимы, когда ничто не навеивает романтических мыслей, ненормально. Она пишет, что нормально хотеть денег, хотеть, чтобы стоговленная еда сама появлялась в холодильнике, хотеть, чтобы решались проблемы детей, а не мечтать о всякой ерунде. Она уговаривает себя, что счастье от Бога, и что все люди на земле не могут быть счастливыми, а, с другой стороны, спрашивает она себя, разве хорошие дети, работа, квартира – не счастье?

Спросив себя, счастлива ли я, я пробормочу: «Ну да...», прибавлю: «Вот если бы еще...» и с энтузиазмом начну перечислять «...была бы еще в жизни стабильность, и не приходилось бы так много работать, и напечаталась бы по-человечески мои книжки...» И тем не менее, я знаю, счастье мое сидит ко мне спиной за своим рабочим столом и смотрит либо в свой компьютер, либо в осциллограф, иногда, правда, паяет или точит в другом углу нашей рабочей комнаты на токарном станке.

Та же женщина, мечтающая о счастье, спросила у меня за кофе, когда и где мы познакомились с Гришей, а, узнав, что в институте и сколько лет назад, серьезно спросила: «Так, значит, вы идеальная пара?» Такой вопрос я слышу и от других, может, и понапрасну, но я улавливаю в нем иронический подтекст, я не знаю, что отвечать – сказать: «Да» как-то глупо, да это и не так, сказать «Нет», вроде получается вынесение сора из избы. В результате я молчу и пожимаю плечами.

Зарубежные, да теперь и наши психоаналитики говорят, что институт брака изжил себя и не отвечает на запросы современных людей, которые ищут в жизни истинной полноты чувств и ощущений – все это невозможно испытать с одним партнером. Слыша это, я вздыхаю и думаю, что мы, получается, какие-то недоразвитые, тем более, что, как говорит в последнее время мой муж: «теперь-то уже, все равно, некуда деваться».

Если я перечислю, какие мы разные – ему жарко, мне холодно, он любит поесть, я голодаю, он любит технику, я в ней ничего не смыслю, хоть и сама инженер, на его тумбочке у кровати лежат археологические карты, а я люблю театр – и если потом я докажу, что это нам не мешает (помогает) вместе идти по жизни, психоаналитики только усмехнутся. Если я скажу, что секрет, может быть, в том, что я лезу во все, что не касается его работы, потому что суть ее мне не интересна (интересен лишь результат), а единственное, что его по-настоящему интересует – как раз эта самая суть, оно будет уже ближе к истине, хотя психоаналитиков все равно не убедит.

Когда та же самая женщина спросила меня: «Он ваш друг?», я, на сей раз, без колебаний сразу ответила «Да». Действительно, встретившись когда-то сто лет назад, мы сразу почувствовали, что вот, кажется, можно, наконец-то, расслабиться и успокоиться после всех сложно-невыразимых отношений с другими мальчиками и девочками. И, поженившись, мы зажили вместе, и, в то же время, каждый сам по себе, занимаясь тем, чем каждому хотелось, уже более не дергаясь и не тревожась об устройстве так называемой личной жизни.

Теперь, когда выросший сын говорит, что я к нему пристаю, и что у меня чересчур длинный нос, Гриша невозмутимо предлагает Алеше подкрасться ночью и подрезать его и тут же протягивает для этого свои кусачки. Когда я, по обыкновению, куда-то опаздываю, потому что в последний момент захотела доделать еще какое-то дело, Гриша констатирует, что я снова пытаюсь втиснуть всю жизнь в пять минут. Он также знает мою особенность принимать решение в дверях, разворачиваясь и устраивая пробки, а также мою привычку противоречить соб-

ственным суждениям, про которую он говорит, что за тезисом у меня непременно следует антитезис.

Я тоже знаю его, как облупленного, знаю, что он предпочитает умолчать о чем-то или даже наврать, чтобы избежать бури эмоций с моей стороны. И все же, затеяв очередную авантюру, я иногда поймаю его изумленный взгляд, и я знаю, что он всегда проверит, заряжена ли моя трубка, и не выпустит меня без нее из дома.

Я думаю, счастье бывает разных сортов, оно бывает влекущее, губительное, мимолетное, и бог знает, какое еще. Наше счастье простое и добросовестное, как октябренок с ясными глазами, и если психоаналитики скажут, что я не ответила на их главный вопрос, я добавлю в оправдание, что мы тоже иногда убегаем из дома, превратившегося для нас в рабочее место, на неделю к морю, в глушь, когда мало народу. Или в Старую Руссу, в маленький и по-провинциальному уютный номер в пустующей гостинице. Или на залив, не в сезон, когда туда уже не едут нормальные отдыхающие, или хоть на выходные летом на дачу. Уехав, мы радуемся простым вещам, ставшим для нас недоступной роскошью дома: прогулкам вдвоем, когда некуда спешить, вечеру друг с другом у телевизора, пусть даже и показывают всякую ерунду. Радуемся солнцу и морю на пляже, где можно сидеть рядом и глазеть по сторонам, просто быть вместе и ничего не делать.

2004

Литература

Из путаницы начал надо выбрать одно – интерес к словам начался с интереса к буквам, самодельный стеллаж с книгами занимал стену в одной из наших комнат, я проводила часы, рассматривая тисненые золотом корешки собраний сочинений. Я листала страницы, разлинованные строчками, разочарованно вздыхала, не находя картинок, я еще не умела читать. Через несколько лет я уже не ела и не делала уроки без лежащей у тарелки или под учебниками книги, я глотала книги одну за одной, пропуская неинтересные места – описания, исторические справки и отступления, и по много раз перечитывала все, что волновало. Сначала любимой книгой были «Легенды и мифы Древней Греции», меня поражало сочетание интенсивности событий с бесстрастностью изложения, потом – «Граф Монте-Кристо», позже я до дыр зачитывала Мопассана. Под влиянием Дюма и после просмотра на большом экране французских «Трех мушкетеров» был написан роман «Счастье возвращается вновь», в нем фигурировали одна прекрасная дама, одна злодейка, про мужские персонажи ничего не помню, помню только, что роман был с иллюстрациями, описанные дамы были изображены в кринолинах, с буклями, и раскрашены цветными карандашами самолично мною (автором) в той же школьной тетради за сорок восемь копеек, куда прямо начисто писался роман. Дописывала его с отвращением, понимая, что надо как-то по-другому. Было еще писание дневника, несколько стихотворений, потом, в институте, какие-то записки о весне, занятиях в читальном зале, о золотой пыли, клубящейся в солнечных лучах, о валяющихся на столах пальто и многократно повторяемой просьбе библиотекаря их из зала вынести. Почему-то вспомнились сейчас выражения из тех времен «весь (вся) из себя» и «выступать», сейчас их, кажется, уже и не произносят. Тогда же, помню, гуляли по весеннему Ботаническому саду с двумя подругами, говорили, кто что хочет делать в жизни. Одна говорила, что хочет общения, встречаться с людьми, чтобы у нее была интересная жизнь, другая, что хочет много денег, я говорила, что хочу писать, непонятно, на чем было основано это хотение. В те времена я, однако, еще и работала на кафедре, желая «приобщиться к специальности». Но, выключая в последний раз перед дипломом свой кафедральный макет, я имела если не видение, то пророческую мысль, что мое приобщение к науке на этом и кончилось. В НИИ, куда я распределилась, было рутинно и тоскливо, я ходила по Суворовскому в отпущенные минуты свободы (обеда) и размышляла, неужели так безрадостно пройдет жизнь, и приклеенное (или помещенное под стекло) на рекламном стенде (или прямо на стене) объявление сначала не привлекло внимание, потом я прочитала, что литературное объединение приглашает начинающих поэтов и писателей, и подумала, какой же я писатель, я ведь ничего еще не написала, и все же пошла, как идут зомбированные люди, понимая, что надо, не отдавая отчет, зачем. И, увидев ведущего ЛИТО человека, и послушав, что он там говорил, я села и сразу написала несколько рассказов.

Было так, будто открылся канал, в минуту душевного подъема соединивший меня с неведомым прежде мыслительным полем, из которого я скачала что-то неизвестное и для меня самой, на радостях я решила, что так теперь будет всегда, я думала, что мне открылись смысл и предназначение будущей жизни. И хотя, по большому счету, это так и было, минуты душевного подъема случались не часто, но, как человек, раз попробовавший наркотик, я осталась на всю жизнь зависимой от необходимости переводить ощущения в слова, я чувствовала неполноценность, когда это не получалось, я внутренне сжималась от пристального взгляда человека, ведущего ЛИТО, и от его вопроса: «Почему мало пишешь?». Сейчас я по-прежнему ежусь, воображая небольшую группу своих читателей и несколько знакомых с моим творчеством компетентных людей, задающих мне тот же вопрос. Моя подруга, поэтесса, считает, что испортила себе жизнь, поверив когда-то, что стихи – главное. Я – нет, я по-прежнему думаю, что нет эквивалента возможности сотворять собственные миры, реальность – лишь сырой материал,

и я готова придавать своей жизни любые формы, чтобы можно было из нее что-то выжать, реальность – служанка госпожи литературы.

2004

Если бы да кабы

Мой канадский друг Тод учит меня, что никогда не надо гадать о том, что могло бы быть, если бы... Тод не знает пословицы про если бы да кабы, он, вместо этого, говорит: «Откуда ты знаешь, что могло бы произойти, если бы ты поступила иначе – возможно, случилось бы ужасное несчастье». Он не понимает, и что такое чувство вины, он считает это чувство лицемерным. Он говорит, что вот, например, люди ездят на машинах, чувствуют себя виноватыми в том, что они загрязняют окружающую среду, и, тем не менее, продолжают ездить. Тод приводит в пример военного летчика, высказывания которого про совершенные им во время войны бомбежки он когда-то читал. Летчик пишет, что хотя и не видел результата, но, зная, что внизу люди, сбрасывал, согласно полученным приказам, бомбы. Тод считает, что летчик прав, не распространяясь при этом о своем душевном состоянии: что бы он теперь ни говорил, это, все равно, будет лицемерие, поэтому лучше не комментировать вообще, что летчик и делает.

Кажется, это логика протестантизма: учитывая ошибки прошлого, начинать все с нуля. Американский друг, Байрон Дейли, говорит: «Как я могу судить о пути, который я не прошел?» Но, по-прежнему вопрошая «Кто виноват?» не только на государственном, но и на личном уровне, мы все же пытаемся угадать ходы не пройденного лабиринта.

Например, что бы было, если бы не было бы в семнадцатом году революции... Или если бы мы родились в Америке. Или если бы уехали туда... Или если бы я пошла в другой институт...

Не было бы революции, рассуждаю я, мы бы, во-первых, не родились, потому что моя, например, мама, перед самой войной поехала по распределению из фармацевтического техникума на Дальний Восток, в Комсомольск, где встретила с отцом, который приехал туда служить после окончания Военно-Морской Академии, куда его направили после политехнического института. Не было бы революции, отец вряд ли бы выбрался из деревни в питерский институт. Хотя утверждать это все тоже можно лишь с долей вероятности.

Родились бы мы в Америке, это были бы совсем не мы, поэтому тут и говорить нечего.

Уехали бы мы в Америку. Без сомнения, Гриша с его инженерными способностями, там бы преуспел, но вряд ли ему удалось бы там сделаться независимым, что он более всего ценит, несмотря на здешние тяготы. Что касается меня, ей богу, я не знаю, что бы я там сделала или написала такого, чего не сделала и не написала здесь. Я говорю это не потому, что совершила в жизни все, что могла, а просто мне кажется, что если я чего не сделала, так сама и виновата. И в институт электротехнический пошла сдуру, не имея никаких технических склонностей, так кого же винить?

Человек, творчество которого я люблю, сказал, что здесь ему сломали жизнь, и это, действительно, так, потому что однажды он столкнулся с органами, повел себя, как надо, и ему за это перекрыли кислород, то есть, не печатали.

Я не сталкивалась с органами, меня просто не печатали, сломали ли мне этим жизнь? Может быть, да, а я и не заметила? Хотя покойный Аркадий Спичка меня в газете «Смена» печатал.

Ненавижу слово «совки», не знаю, что мы или друзья сделали такого, за что должны нести вину в общечеловеческом масштабе (хотя, несомненно, есть за мной ряд личных вин, что бы там ни говорил мой друг Тод). Есть минусы в воспитании и в характере, есть в чем упрекнуть себя и в воспитании сына, но разве мои друзья-американцы так уж идеальны?

Я могу договориться и до того, что не все при социализме кажется мне теперь таким отвратительным, хотя это не значит, что я туда обратно хочу. И не хочу свою судьбу распространять на всех остальных, кто по-настоящему с системой столкнулся: наверное, это моя глуп-

пость или везение, что я жила скорее своей жизнью, и что мы с ней как-то разошлись. Или, может, она меня ослепила?

И, все-таки, мне кажется, Тод прав, и эти разговоры о прошлом не конструктивны. Существует только сейчас, от него ветвятся тропинки. При первобытнообщинном строе были волки и тигры, при феодализме была инквизиция, теперь тоже много кто есть. Живой душе всегда трудно: даже в Канаде ей, все равно, умирать.

2004

Новое

Новое – поначалу неясная мысль, неожиданно мелькнувший сюжет, блик, исчезнувший так быстро, что не успеешь разглядеть. Новое сначала забрезжит среди обжитого старого, среди уюта и рутины, которые клянешь под горячую руку, но к которым привыкаешь. Новое манит: приятно мечтать, как оно случится. Можно с удовольствием рассуждать о нем за столом, можно убеждать себя и близких, что вот еще немного, и ты предпримешь шаги, и начнется другая жизнь.

С новым надо быть осторожным, если дать ему волю, позволить себе чересчур размечтаться, оно выйдет из-под контроля, перестанет быть зависимым, оно станет требовать, толкать тебя в спину, заставит идти по лестнице в редакцию ведомственной газеты с дурацкой статьей, написанной по наущению полусумасшедшего коллеги, пенсионера-правдоискателя, обличавшего начальство за злоупотребления и вызывавшего к гражданскому долгу. Мне, по большому счету, было наплевать на начальство и на его злоупотребления, мне хотелось изменить свою жизнь, сжечь мосты, сделать что-то такое, чтобы нельзя было продолжать.

Это я понимаю сейчас, а тогда, в середине восьмидесятых, когда я сидела со своей обреченной на выброс в корзину статьей в редакции ведомственной газеты, куда сразу прибежал толстый человек из парткома, такой толстый, что руки его не лежали вдоль туловища, ему приходилось их растопыривать, и смотрел на меня с удивленным любопытством, воплощая собой вопрос «что за этим стоит?», я не смогла бы объяснить не только ему, но и себе, что мне необходимо вырваться из накатанной колеи, но воспитание не позволяет бросить воспетую родителями «работу по специальности», и вот таким хитрым способом я пытаюсь освободиться.

А потом, завладев человеком, новое жестоко, как новая школа в детстве, где тебя никто не знает, где все секреты – чужие, смех, если не над тобой, то и не для тебя, а ты ходишь с гордо поднятым носом, изображаешь полную независимость, а, на самом деле, с отчаянием думаешь: «Неужели когда-нибудь я привыкну?»

Музей-квартира Кржижановского была тогда на ремонте, и я, вместе с рабочими топливно-энергетического комплекса, плотниками, малярами и сантехниками, принимала в этом ремонте участие, мне выдали рабочую одежду, ведро и рукавицы, я наполняла ведро строительным мусором, ходила на помойку и обратно со скорбным лицом, и слесарь Володя, с которым потом подружились, смеялся, вспоминал, как думал тогда, что это еще за мадонна.

Новое – пустота, ничто, из которого надо сделать что-то, когда не знаешь как. Написать рассказ, добыть денег из ниоткуда, или сдать баланс после двухнедельных бухгалтерских курсов, когда не у кого спросить, и не понимаешь настолько, что даже не знаешь, что спрашивать, когда находишь каких-то случайных людей, главбуха, с дочкой которого сын ходил в садик, и набиваешься на консультацию, сгорая от стыда, что отнимаешь время, и слушаешь с наморщенным лбом, как считать финансовый результат, стараясь не пропустить ни крупинки драгоценной информации, и суешь потом главбуху конверт, и отмахиваешься от попыток не взять, и убегаешь, а потом звонишь еще, мучаясь от неловкости, уточняя детали, и, наконец, идешь в налоговую, где противная тетка брезгливо разворачивает твои бумаги и, ткнув мизинцем в какую-то цифру, без комментариев заворачивает их назад, и ты снова звонишь главбуху, узнаешь, как исправить цифру, покупаешь по его совету коробку конфет и снова плетешься в налоговую, уже с коробкой.

А потом когда баланс все же принят, рассказ написан, деньги идут, и новое вознаграждает тебя тихими вечерами в музее-квартире, есть какое-то время, чтобы порадоваться, пока не привыкнешь, пока новое опять не станет старым.

Моя бухгалтерия

Первая налоговая инспекторша, к которой я попала, была неприятная, она ничего у меня не принимала, ничего не объясняла, потом я догадалась, что надо приносить ей конфеты, и она стала брать мои отчеты, не проверяя, а потом ее выгнали за нарушения.

Следующей инспекторше я благодарна, это была добрая женщина, она меня учила правильно заполнять какие-то клеточки в балансе.

Первая банковская проверка у меня прошла успешно, проверяющая девушка, узнав, что мы – научно-производственная фирма, базирующаяся на дому, прониклась ко мне сочувствием и, поднимая глаза к потолку и восклицая: «Какое безобразие!», научила меня оформлять кассовые документы.

В пенсионном фонде сидела очень милая женщина, она всегда ко мне хорошо относилась, смотрела с соболезнованием, когда я приносила пустые отчеты, ее потом сделали начальником.

В соцстрахе, вообще, милейшие люди, они всегда исправят и помогут, недавно одна инспекторша приходила к нам с проверкой, потому что у них в офисе было очень холодно, мы попили кофе, и она рано ушла домой.

Первую проверку в налоговой я тоже легко прошла, объяснив отсутствие прибыли тем, что мой муж-директор фирмы – сумасшедший изобретатель, все деньги тратит на свою техноманию, а я – страдалница, вынужденная отдуваться за прихоти безумного супруга.

Когда первый раз идешь в новое место с отчетом, можно не спрашивать у прохожих, где это, приглядевшись, заметишь, что в одном направлении от метро идут женщины разного возраста с папками, это бухгалтеры, надо просто пойти за ними, и попадешь, куда надо.

Чем длиннее очередь в налоговой, тем больше полезной информации в ней узнаешь, и можно не тратить деньги на семинары.

Когда однажды я стояла полдня на морозе в фонд обязательного медицинского страхования, во дворе больницы, где он тогда находился, грелись у костра бомжи, я встала поближе к их костру и не простыла.

подавая документы на перерегистрацию, я не стояла ночью, как другие, я пришла в шесть утра и попала, в кабинете мне пришлось переписывать неверно заполненные формы, все ужасно ругались, потому что после меня сразу выключили мониторы, а я все сдала, хоть и потеряла в этой суматохе свое пальто.

Получая регистрационный номер, я стояла в толпе других бухгалтеров, сгрудившихся плечо к плечу у компьютера, на экране которого инспектор прокручивала список предприятий, где каждой надо было увидеть свое, и, увидев наше, я закричала так громко, что одна женщина испугалась, дернулась, и всех засыпало стопкой уведомлений.

Сдавая отчет в пенсионный фонд, я много раз запускала программу, заноса каждый раз по-новой все наши банковские реквизиты и номера паспортов, потому что исправлять в программе у меня не получалось, зато теперь я знаю все наши данные наизусть, и если кто-нибудь вдруг предложит прислать нам миллион долларов, я сразу скажу номер счета.

Саму программу я ходила сдавать семь раз, сдав ее, изможденная, поехала домой, и пьяница, сидящий передо мной в метро, увидев меня, расплакался от жалости и уступил мне место.

Я долго пыталась написать о своей работе бухгалтером, и у меня ничего не получалось, но, взявшись делать программу по подоходному налогу, я поняла, что она у меня получается еще хуже, и что я очень плохой бухгалтер, и тогда я села и с горя написала этот рассказ.

Начало бизнеса

Музей-квартира Кржижановского помещалась на первом этаже особняка на Петроградской, с сохранившимися витражами на широкой светлой лестнице. Две комнаты квартиры были, собственно, музей, с кожаным диваном Кржижановского, с планом ГОЭЛРО, разукрашенным разноцветными лампочками, с большим стеклянным глобусом на огромном дубовом письменном столе. Стеллаж с книгами Кржижановского в старинных кожаных переплетах простирался во всю стену, за стеклянной витриной хранились вещи Кржижановского, его архив занимал несколько шкафов. Третья комната представляла собой нечто среднее между запасником и служебным помещением, ее мы и приспособили под офис.

В мои обязанности смотрителя входило вытирать с экспонатов пыль, проводить экскурсии по музею, наблюдать за посетителями. Посетители случались крайне редко – разве в дождь забредала какая-то бездомная парочка, да и та, сконфуженно потоптавшись несколько минут перед глобусом и диваном, скоро покидала крохотный музейчик. Последнюю экскурсию я приняла еще во времена талонов, когда группу воронежских энергетиков, приехавших на какой-то свой симпозиум, заволокли по программе еще в музей-квартиру, и недоуменные энергетика, поглядывая на часы, нетерпеливо озирались, мечтая, верно, рвануть поскорее по магазинам.

Наши первые попытки ведения бизнеса были нетверды, голоса были еще нетренированы, мы с Гришей путали цены, мельтешили, дружно заверяли звонящих клиентов, что приборы, которые Гриша до последнего винтика собирал дома сам, делает предприятие, что тоже было истинной правдой. Из десяти позвонивших один захотел прийти посмотреть, приглашать клиента, кроме музея-квартиры, было некуда, тогда и состоялся ее дебют в качестве офиса.

Теперь я уже, кажется, не помню самого первого принятого в музей-квартире клиента, я совершенно забыла, кто был этот дорогой для нас человек, заинтересовавшийся распылителем, и как мы выдавали служебную комнату за офис арендующей музейную площадь фирмы в первый раз. Я помню, как это было поставлено позднее на поток – на дверь вешалась красивая табличка с названием нашего тогда еще ИЧП, модели экспонатов выносились в кладовку, вместо них на стену помещался блестящий календарь с нашим логотипом, на столе лежали справочники, стоял купленный по случаю факс, на тумбу красного дерева, где раньше красовался бюст Кржижановского, выставлялся демонстрационный образец распылителя.

Первым, купившим прибор клиентом, был гробовщик с Урала, он использовал прибор для окраски своих, как он говорил, изделий. Он привез банковский чек, я заполняла его, прикусив от старательности кончик языка, и, как потом выяснилось, все равно испортила. Мы шли с гробовщиком в банк, он доверительно делился, на сколько снизится себестоимость «изделий» от использования нашего распылителя. Мы со знанием дела кивали, изображая прожженных финансистов, была весна, с крыш текло, солнце светило, что есть мочи.

В банке сказали, что неизвестно, пройдет ли испорченный чек, поезд у гробовщика был уже вечером, вставал вопрос, отдавать ли прибор. Вопрос решался в банковском коридоре, двое мужчин, гробовщик и Гриша, вопросительно смотрели на меня, и я, как настоящий главный бухгалтер, напряженно морщила лоб, интенсивно внушая себе, что нельзя отдавать прибор неизвестно кому, уезжающему неизвестно куда, без стопроцентной гарантии оплаты. И все же после паузы я подвинула ногой упакованный ящик к гробовщику и сказала: «Ладно, берите, позвоните только потом».

И чек прошел, и гробовщик позвонил, а потом прислал нам с оказией банку меда. И я так радовалась, узнав, что чек прошел, и что первая финансовая операция нашего предприятия состоялась.

Интернет

Пожилая женщина, мать двоих дочерей, одна из которых уехала в Америку и редко присылает о себе весточку, живет письмами дочери, знает их наизусть, многократно пересказывает их при каждой встрече с другими родственниками. Любые пустяки из жизни уехавшей дочери и даже люди, которых она упоминает в письмах, кажутся матери значительными. Уехавшая дочь присылает видеокассету, где среди других кадров отснят ее визит в дом к американским друзьям, а в следующем письме, присланном через полгода, дочь вскользь говорит, что в той семье, где она была в гостях, случилось несчастье, отец, владелец крупной фирмы, погиб в автокатастрофе. Горе совершенно неизвестных ей людей, живущих в Америке, производит на мать неизгладимое впечатление, она находит разные предлоги, чтобы вновь и вновь посмотреть присланную из Америки кассету, переживает, думая о вдове погибшего бизнесмена, все время говорит об этой женщине с другой дочерью, живущей с нею вместе, и та вздыхает, видя, что мать куда меньше интересуется их собственными проблемами, потому что, задавая вопросы и не дожидаясь на них ответов, мать смотрит сквозь нее, грезя об Америке.

Моя старая бабушка (мама), когда я прихожу к ней с едой и лекарствами, горестно жалуется, что никого нет, все умерли, на мой вопрос: «А я?» машет рукой, говорит: «Ну, при чем тут ты...», и я понимаю, что я примелькалась, ее душа ищет кого-то недоступного, другого.

Думая о том, почему людей тянет в Интернет, я прихожу к выводу, что причина похожа: виртуальная жизнь кажется иной, значительной, в отличие от жизни рутинной, своей.

Я живу в Интернете семь лет, у меня там своя территория, сайт, я – переводчик, гид, агент по аренде квартир, а, по совместительству, психолог и консультант. Клиентов из разных стран за эти годы у меня было так много, и так много чего с ними (со всеми нами) случилось, что я уже забыла кое-какие имена и фамилии, я знаю только, что, начиная всех вспоминать, я довоспоминаюсь до эпизодов, уже совершенно забытых, эти эпизоды неожиданно всплывут, или кто-нибудь о них напомнит, и мне тогда покажется, что вместе с жизнью, которую я помню, я прожила за эти семь лет еще сколько-то жизней, которые совсем забыла.

Раньше, когда были я, моя семья, несколько друзей и коллег, я тоже мечтала об иной жизни, о встречах с неизвестными людьми. Мне казалось тогда, что есть страны и города, где люди живут иначе, мне хотелось заглянуть в их другую жизнь. Она пришла, приехала, прилетела так близко, вплоть до нашей кухни, и теперь я знаю: как ни живи, одинаково трудно найти истину, а пожив такой насыщенной жизнью семь лет, навсегда избавишься от страха одиночества.

Сейчас меня более занимает вопрос о соотношении понятий «казаться» и «быть», о сочетании реальности и иллюзий. Я думаю, скорее реален или скорее вымыслен наш мир, я склоняюсь к тому, что скорее вымыслен, потому что реальный мир – это только существительные и глаголы, обозначающие предметы и действия, которые можно увидеть и пощупать, все остальное субъективно, и этого остального в жизни гораздо больше.

Я прихожу домой из музея-квартиры, включаю компьютер и ухожу в иное государство. Я прошла в нем эволюцию от изумления, почему нет клиентов, раз открылся мой сайт, до убежденности, что я работаю не за деньги, а просто потому, что так надо. И я заявляла: «Мы никогда не будем нищенствовать!» и держала слово, а потом важность поставленной задачи стала казаться мне преувеличенной, и теперь я пытаюсь распознать манящие меня новые горизонты.

Я живу по ночам в Интернете, я – сова, я перевожу, отвечаю на письма, ищу клиентам квартиры, звоню другим агентам, болтаю, по ходу, с виртуальными друзьями, мне жалко выключать компьютер и ложиться спать, как жалко, наверное, умирать, когда хочется жить. Я жду чудес, как в самом начале, когда я надеялась, что откуда-то оттуда протянется рука, и кто-

то поможет или куда-нибудь нас заберет. С тех пор я сама много раз протягивала руку разным людям, и все же я по-прежнему жду чудес, хотя теперь я знаю, что все чудеса внутри.

2004

Можно быть, можно казаться

Когда говоришь с иностранцами на их языке, когда с нарочитым изумлением переспрашиваешь: «Oh, really?», когда, широко улыбаясь, энергично киваешь: «Oh, yes!», или, высоко поднимая брови, трясешь головой: «Oh, no!», когда разводишь руками так, как никогда бы не разводила, говоря по-русски, то воображаешь себя другим человеком, как если бы родилась в другой стране, и маму как будто зовут не Зинаида Васильевна, а, например, Грейс, и сама будто не Ирина Борисова, а, скажем, Айрин Томпсон.

Когда приходишь в дорогой ресторан, в котором целая команда официантов приветствует тебя с таким радушием, будто, и вправду, соскучились и заждались, когда ловят каждый твой жест и подливают в бокал, покажется, что и в самом деле, достойна, забудешь, что попала сюда, скорее, как левый человек, переводчица для клиента, и подумаешь о себе так хорошо, как никогда раньше.

Когда мечтаешь и уверена, что все произойдет, не обращаешь внимания на досадные мелочи текущего – оно кажется временным и неважным. Когда в прошлом было что-то значительное, не идущее в сравнение с измельчавшим теперешним, оно все равно навсегда откладывает свой отпечаток, разорившийся миллионер никогда не ощутит себя нищим, свергнутый царь, все равно, царь, хоть и стал бомжом.

Можно быть пожилым и толстым бухгалтером, писать любимой эротические письма и казаться себе юным героем-любовником. Можно быть солидной дамой, матерью взрослых дочерей, и казаться себе еще не жившей, по-прежнему мечтающей о чистой любви девушкой.

Можно быть хорошим писателем, пишущим интересную только себе и сто лет никому другому не нужную ерунду, а можно быть плохим писателем, быть читаемым миллионами, и казаться себе хорошим.

Старики только кажутся нам стариками, по-настоящему, они те же дети, недоумевающие, почему с ними больше никто не хочет играть.

Можно быть, можно казаться, можно зажмурить глаза в темной комнате, когда рядом никого нет, и все равно не поймешь своей истинной сути, вспомнятся лишь вечная беготня, поступки, проступки, удачи, может быть, какой-нибудь поцелуй, и что уж совсем глупо, хорошо сидящие штаны или тесные босоножки.

Правду не найти или очень трудно найти, она, как жизнь Коцея Бессмертного – в зайце, утке, рыбе, шкатулке, яйце, в иголке с отломленным ушком, до которой не докопаться.

Остается одно: подобрать и не очень строго судить друг друга, единственное, что в реальности могут фантомы, неотчетливые пространства, калейдоскопы, такие, как мы.

2005

Бабушка

Ей теперь не бывает хорошо. Я иногда пытаюсь как-то нестандартно ее развлечь, скажем, остановить машину, когда мы едем от очередного врача, и завести ее в какую-нибудь кондитерскую. Но ничего хорошего все равно не получается: она протестует: «зачем?», потом, выбравшись из машины, неверно ступая, идет. Заказывая, я нервничаю, затылком чувствую ее нетерпеливый взгляд, потом она безучастно пьет чай, оживляется только, беспокоясь, не украдут ли машину, потом начинает допытываться, сколько стоили пирожные, и, сокрушаясь, просит, чтобы впредь я не транжирила деньги.

Что касается денег, ссоры из-за них, в общем, тоже позади. Раньше она переписывала цены принесенных мною продуктов, считала в столбик, пыталась мне отдавать. Ругалась, что я купила что-то дорого и не то. Теперь она особо не смотрит, что я принесла, просто складывает в холодильник. Иногда забывает съесть, и мне приходится делать в холодильнике ревизию.

Раньше мы с ней ругались и из-за сельскохозяйственных работ на даче, с которыми, по ее мнению, нельзя было запоздать, и из-за сына Алеши, которому, с ее точки зрения, надо было больше чего запрещать, и из-за коммунистов, которые «заботились о народе». Теперь на даче одуванчики по пояс, двадцатичетырехлетний Алеша – важная персона, попробуй что-нибудь запрети, коммунисты сгинули: получается, что я по всем пунктам ее победила.

Все же, когда я захожу к ней, затюканная налоговой или клиентами, тлеющий огонек былой борьбы неожиданно вспыхнет, когда она привяжется ко мне с тринадцатью рублями, которые якобы надо немедленно доплатить за электричество из-за изменившегося тарифа. Я ругаюсь, говоря об отсутствии времени, о важности и значимости своих дел в отличие от – ее, а она слушает, вытянувшись как солдатик, и, понимая, что боевые действия не оправданы – противник давно уже повержен – я злюсь на себя, заполняя квитанцию.

Она встает рано, но знает, что по утрам меня нельзя будить, потому что ночами я работаю за компьютером, и она долго сидит у телефона, ожидая моего звонка. Я же, проснувшись, зная, что надо ей позвонить, подсознательно оттягиваю этот момент, смотрю сначала электронную почту, потом звоню по делам, просматриваю даже наскоро газеты в Интернете и только потом, собравшись с силами, набираю ее номер.

Если что-то ее еще интересует, это медицина и здоровье. Она подолгу говорит о симптомах, болезнях, таблетках. Я выслушиваю про количество лейкоцитов в последнем анализе, и к чему это может привести, я стараюсь ей звонить, одновременно делая что-то на кухне и держа трубку у уха, а сготовив еду или мойв посуду, устремляюсь назад к компьютеру, прерывая сеанс общения.

В сущности, мы с ней похожи. Гриша как-то определил ее характер, да и мой тоже, тезисом «если можно, значит, нужно». Имелось в виду, что любая возможность любого действия немедленно превращается для нас в необходимость. Она когда-то опрыскивала на даче яблони «тухлой» водой, я теперь добросовестно таскаю ее по всевозможным врачам, то ли потому, что это надо, то ли потому, что это вписывается в мою жизненную концепцию.

В процессе ухода за ней ей отводится скорее вспомогательная роль. Врач говорит о ней в третьем лице, объясняя мне, как ей пить таблетки, а она во множественном числе переспрашивает, как «нам» их пить, не мысля себя отдельно, а только в паре со мною.

Еще недавно она ходила в какой-то дальний магазин за дешевыми продуктами, теперь ей уже туда не добраться и, гуляя, она бесцельно слоняется по дворовому скверу.

Когда она спрашивает, как у меня дела, я сначала отвечаю, что все хорошо, потом, сделав над собой усилие, в общих чертах рассказываю, что именно собираюсь делать, при этом внутренне подбираюсь, потому что она обязательно спросит «зачем?» и добавит, что она бы так

никогда не поступила, и станет сулить самые ужасные последствия и сокрушаться, что тогда со мною будет.

Когда она болеет, то молча лежит, не спрашивая ни о чем и не говоря уже о лекарствах, и я тогда изо всех сил пытаюсь вернуть ее на исходные позиции. В такие дни мы с ней объединяемся в общей борьбе, вызванный врач тоже серьезно расспрашивает именно ее, и, радуясь всеобщему вниманию, желая его немного продлить, она неохотно признается, что ей стало легче.

Так мы с ней и дрейфуем, я загибаю, она крепко держится за меня, иногда я пытаюсь освободиться и ослабить хватку. Но если она разжимает пальцы и начинает опускаться на дно, я хватаю ее за шиворот, и мы снова тянем друг друга в разные стороны.

2004

На дешевых базарах

На дешевых базарах я чувствую себя как дома: я бываю на Ладожской на маленьком расхристанном рыночке, ютящемся на задворках после постройки у метро несуразного железобетонного короба, и все же не сдающем позиций. Я заезжаю туда по дороге домой: за остановкой маршруток кончаются потуги на цивилизность – при входе на базар бабушки раскладывают по ящикам корзинки с ягодами и грибами, на базаре, в выделенной ему узкой щели огненно-глазые мужчины расторопно кантуют ящики, выкладывая из них виноград и помидоры, вступают в дискуссии с тетками, щедро сыпят комплименты, катают тачки с арбузами, зычно покрикивая или распевая заунывные песни, восточные красавицы с протянутой рукой убеждают продаваемое попробовать – все бьет в глаз, выпирает, благоухает, соблазняет дешевизной – не захочешь, а наберешь больше, чем можешь унести и, досадуя на завидующие глаза, тащишься к маршрутке, отбиваясь от предлагающих проводить знойных кавалеров.

Также я бываю и в «Народном» универсаме: судя по огромному количеству стоящих около как дешевых, так и дорогих машин, народ любит свой универсам, хотя он и похож на большое социалистическое сельпо: с потолка свисают серые с черными буквами плакаты: «Овощи», «Мясо», «Путассу», продавцов орава, и все какие-то лохматые и нетрезвые, прилавки обшарпанные, но цены, действительно, впечатляют, народ деловито снует, сталкиваясь тележками, набирает все подряд, нисколько не стесняясь, что приехал в такое непрезентабельное место, всем своим видом показывая, что обойдется и без гламура, было бы дешево.

За носками без резинок и хлопчатобумажными чулками для бабушки я хожу и на близлежащую барахолку с рядами из маленьких ларьков, на которых разложена всякая всячина: блестящие заколки, посуда, дешевые тряпки и туфли, думаешь, сколько же всего этого надо продать, чтобы что-то заработать, когда-то я общалась с женщиной, которая торговала на рынке, она говорила, что все время что-то заказывает, ездит за тюками на вокзал, а привозят какие-то не те размеры, ловит милиция; и на лицах торгующих я вижу ту же сосредоточенность и заботу.

Магазины типа «Ленты» и «Метро» кажутся мне уже чем-то стерилизованным и буржуазным: все приезжают на машинах, нет стариков с их скромными мешочками, покупающими лишь необходимое и разве что-то очень дешевое в качестве баловства – здесь везут в тележках не окорока и яйца, как в «Народном», а блестящие кулечки и пакетики, фрукты не разномастные, как на рынке, а одинаково гладкие, без выщербины, полуфабрикаты, далеко ушедшие от первоисточника: не замороженные рыбы, а сделанное из них филе, нет элемента случайности, эти сети и мегамонстры кажутся мне лишены индивидуальности.

В дорогом бутике, где редкие посетители расплачиваются, не глядя, я чувствую себя скорее в гостях, я иногда тоже отваживаюсь зайти туда поглазеть и внутренне содрогнуться, взглянув на цены. Не знаю, что думаю про меня любезно предлагающие помочь продавцы, я же, отказываясь и толкая на выход дверь, думаю, что по таким ценам, в любом случае, никогда бы ничего не купила.

Богатеть бесполезно: все равно будет тянуть туда, где морщат лоб, торгуются, выгадывают каждый грош, беспокоятся, не сгнили бы мандарины. Может быть, потому что люблю толкаться в толпе, то ли оттого, что привыкла кумекать сама, я хожу на рынок в поисках немножечко лучшей альтернативы.

2005

Закрытие темы

В жизни нет совершенства, а только чуть-чуть хорошего, чуть-чуть плохого и много непонятно чего, происходящего непонятно зачем. Мы едем «закрывать дачу», отправлять ежегодный ритуал, изобретенный когда-то моими родителями, со снятием штор и залеплением окон газетами, забиванием фундамента рубероидом и укатыванием бочек в сарай. Мы с Гришей несемся на машине по пустой дороге сквозь красивые желто-золотые леса, кусая по очереди шоколадку, жмурясь от солнца, вздыхая, что так и не выбрались за грибами, хотя Гриша купил сапоги и корзину, и даже не погуляли по лесу, все некогда, ничего не остается, как утешаться мыслью, что мимолетная красота не отличается от дрящейся, по крайней мере, не успевает надоеть.

Бабушка, главный идеолог дачи и жрец всех ее ритуалов, на сей раз дома, этим летом после болезни она переехала к нам, она написала нам список того, что надо на даче сделать, представляющий, скорее, сочинение с витиеватыми отступлениями о повадках мышей и их способностью забираться в шкаф и сервант, если последние должным образом не закрыть, разобрать ее каракули трудно, и, запрятав список поглубже, я думаю, что успею его прочитать и потом.

Дача – кристалл, в котором когда-то, как два клинка, пересеклись, высекая искры, два мировоззрения, родителей и наше. Их время внушило им слово «надо», железную убежденность, что они правы, и что все другие тоже должны. Наше время научило нас задавать вопросы, рефлексировать, бунтовать, хотя вербально и безрезультатно, а потом мучиться сомнениями и нести вину.

Дача – как горизонт, которого никогда не достигнешь, с самого начала считалось, что это будет место, где всем когда-нибудь, когда она построится, будет хорошо, но грань между завершением ее строительства и началом ремонтов фундамента оказалась размытой, вместо чаепития на веранде и чтением книг в гамаке, ассоциирующихся у меня когда-то с понятием дачи, я, обученная бабушкой, обрывала клубничные усы и иногда умудрялась обрезать вместо петрушки морковную ботву. Я помню, как нас сначала возили туда родители на зеленом 407-м «Москвиче», и Гриша рыл там ямы, а я конопатила стены, потом мы возили туда постаревших родителей на «Москвичах» более поздних моделей, их лица были полны укора за наше недостаточное рвение, и при таянии снега и приближении весны мы испытывали смешанные чувства: с одной стороны, хорошо, что тепло, с другой стороны – скоро опять на дачу.

Бабушка обрела здесь себя в садоводстве, стала в этом деле экспертом и была счастлива, отец в свое последнее лето перечитывал Фейхтвангера в собственноручно выстроенном доме, наш сын Алеша обрел там друга Ромку, возможность ловить в канавах головастиков и бесконтрольно носиться бог знает в каких даях на велике, мы же с Гришей как-то провисли, на нашу долю досталось, в основном, обеспечение жизнедеятельности живущих летом на даче с Алешей родителей – в магазине там были жуткие очереди, и приходилось возить им туда все до буханки хлеба, собирая продукты по городской жаре.

Теперь здесь все изменилось, сменилось поколение, одни дома обветшали, другие вообще заброшены, но появились коттеджи, их немного – еще во времена молодости мы роптали, что наше садоводство лишено какой бы то ни было романтики, нет природы, только линии, квадратики огородов и разнокалиберные дома. Теперь огородов меньше, хотя в некоторых стариках не угас еще садоводческий пыл, на их участках лежат на черной земле большие желтые тыквы, но больше газонов, у нас тоже косилка, в этом году я вновь попыталась выкосить ею заросший огород, но заболела бабушка, и я успела скосить лишь половину.

И вот мы приехали, с соседнего участка к нам приближаются две странные фигуры в меховых шапках с банками огурцов в руках, это старики-соседи: этим летом их железное

социалистическое мировоззрение вновь одержало победу над нашей мягкотелостью и аморфностью, они пристали к нам с чистой колодца (он у нас общий), и мы не смогли устоять, ввязались, раскопали, ужаснулись, и наняли, в конце концов, гастарбайтеров из Белоруссии, заплатили деньги, чтобы только от нас отстали. И все равно, те несколько раз, в которые мы вырывались потом на дачу, были загублены развернувшейся перед домом стройкой, трущимся на нашей веранде соседом, увлеченно манипулирующим насосом, откачивающим из колодца воду, жалующимся при этом на нерадивость гастарбайтеров, и, преодолевая неловкость, что вроде тоже надо что-то делать, мы все же успевали убежать на канал.

Если на нашей даче и есть что-то хорошее, то это канал: надо проехать на велосипеде по линии, пересечь шоссе, проехать по скрипящему, гнущемуся под колесами, висящему над заросшим Петровским каналом железному мостику и оказаться на тенистой тропинке, прохладной в любую жару, на которой таинственно пахнет сыростью, а потом – раз, вылетаешь вверх на холм и видишь под обрывом стремительную реку, ну и что, что искусственную, зато с чистой коричневатой водой, с быстрым течением, с проносящимися по ней лодками и катерами, с изредка проползающими баржами, и если переплыть на тот берег и пройти немного, не боясь роящихся комаров, увидишь Ладогу.

Дачу без воды я не считаю за дачу: хорошо летом приезжать на канал утром, когда никого еще нет, и поют птицы, и сквозь деревья на том берегу в солнечном луче иногда сверкнет Ладога. Хорошо приезжать и вечером, выкупаться, а потом посидеть на берегу, жмурясь от укачивающегося за Ладогу солнца, прижавшись спиной к горячему железу давно уже пустующего лодочного гаража...

...О канале в этот раз не может быть и речи, нет времени, мы благодарим соседей за огурцы, обещаем передать привет бабушке, Гриша остается на улице, я, вздохнув, вынимаю из кармана бабушкин список. И вот уже Гриша закатил бочки и приносит мешок с недозрелыми яблоками, а я, кажется, убрала в шкаф и в сервант все, что могла, и закрыла дверцы так плотно, что не знаю, как ворам, а мышам фиг что достанется, и наступает чаепитие на холодной уютной без штор веранде, реальные чаепития всегда имеют вспомогательное значение по сравнению с тем, что называется на даче «дела».

И вот мы едем назад, и я, как прежде родители, убеждаю Гришу, что наша дача совсем не плоха: близко к городу, и канал, а купи мы дом где-нибудь далеко в деревне, на настоящей природе, о которой раньше мечтали, так при такой, как сейчас, жизни никогда бы туда не выбрались. Все теперь позади, и ожесточенные дискуссии о свободе личности и о заталкивании других людей в садоводческое счастье, отца уже нет, а бабушка более не яростный огородник, а живущая теперь у нас домашняя птица-говорун.

Я говорю, что Алеше было здесь хорошо, что где-то все равно надо быть, и неизвестно, что бы было, если бы мы были в другом месте, и, по большому счету, не так это и важно – где. Гриша соглашается, что эта тема закрыта, как закрыта на этот сезон и дача – впереди зима.

2005

Дети

Их немного. У нас – всего один, у них двое. Их старший и наш единственный стоят поодаль – впервые в этом году они встретились на даче, и разговаривают. Доносится что-то вроде: «... ты, блин... я, блин...». Мы, четверо, родители, тоже разговариваем, посматриваем на них. Все происходит на улице около нашего дома, в садоводстве это называется «линия».

Когда-то наш мальчик топал по этой линии на кривеньких ножках, а будущего друга провозили мимо в коляске. Тогда мы с его мамой и посвятили их в друзья – других детей такого возраста на линии не было. И, как ни странно, задуманное удалось. Вся дача прошла вместе, потом выросли, теперь – долгие ночные разговоры по телефону, приходят друг к другу, сидят за закрытой дверью в комнате, ходят играть в бильярд. У Ромы уже есть постоянная девушка, но негде жить. У Алеши есть, где жить, но нет девушки.

Они разные, и воспитывали их по-разному. Когда Ромке было семь лет, у него появился брат, кроме того, возникли семейные проблемы. Я же всю свою энергию отдала единственному ребенку. Сидела с ним, делая уроки, водила на английский, боялась, если будет плохо учиться, не поступит в хороший институт. Помню, зубрили неправильные глаголы, ссорились, даже дрались, запущенные вверх тормашками учебники летели через всю комнату. Про музыкальную школу вообще молчу. Каждый раз, одержав над ребенком победу, заставив что-то сделать или выучить, чувствовала не то укол, не то укор совести – в этом было насилие. Уговаривала себя: ну, а как иначе, страшно ведь, как же он будет жить, если не выучится, иначе ведь нельзя?

Ромка – иллюстрация, как иначе. Никто с ним не сидел, ничего делать не заставлял. Результат – провалился всю школу на диване, поедая булку с вареньем, учиться вообще не может, на второй странице любой книги засыпает, хотя и пропихнули его родители, спасая от армии, в какой-то химический институт, и они с отцом до сих пор (а Рома на пятом курсе) варят на даче забор и оказывают разные строительные услуги женщине из деканата, которая отслеживает, чтобы в Роминой зачетке своевременно появлялись положительные оценки. Зато Рома может разобрать и починить любой автомобиль, да и, вообще, он хороший мальчик.

Алеша наш мальчик тоже неплохой, где-то к классу восьмому в учебу он все же втянулся, поступил на факультет вычислительной техники, теперь – программист, занялся бизнесом, что-то понемножку получается, с виду доволен, уверен в себе.

Ромкины родители считают Алешу умным мальчиком и ставят Ромке в пример. Они чувствуют перед Ромой вину – сразу после рождения младшего сына у отца появилась другая женщина, он собрался было из семьи уходить, но усовестился – двое детей, младший совсем маленький, в общем, остался, так и прожили, так и теперь живут. Теперь уже, кажется, Ромкиному отцу просто лень менять шило на мыло, он перестал на что-либо реагировать, купил себе хороший велосипед, лодку, та же другая женщина присутствует на работе. Мама Ромки тоже все это вытерпела и терпит «ради детей», считает себя мудрой, и все же смотрит на Алешу и, кажется, думает, что, вот, мальчику в нормальной семье уделяли достаточно внимания, вот он теперь и стоит на ногах, а с нашим-то что будет?

Я же, глядя на сына, наоборот, вздыхаю. Вырос и накачался, но как и раньше, когда был маленький и слабый и боялся старшеклассников, отнимающих в туалете деньги, так и теперь боится, что его бизнес закончится, и он снова будет бояться. Страх, обуревавший меня, когда я его заставляла учиться, перешел теперь и к нему.

Мой друг Егор, определив детей когда-то по тем же причинам в суперсложную математическую школу, боялся, что они там не выдержат, но еще больше он боялся, что они не будут. Другая женщина заставляла когда-то своего сына в воспитательных целях сварить и съесть картофельные очистки, потому что боялась, что, безобразно чистя картошку, он не вырастет добросовестным тружеником. Теперь она боится, что он ей этого никогда не простит. Моя

подруга Маша считает, что не может ничему научить своих детей, потому что сама в жизни ничего не понимает. Она говорит, что всегда жила не просто, а во имя какой-то цели, посвящала жизнь какой-то одной идее, и в этом была ее ошибка.

Я смотрю на Рому и думаю, что крепкая нервная система, действительно, самое главное, тем более что заборы в нашей стране всегда найдутся... С другой стороны, как же без цели, мыслимое ли дело просто существовать? Только почему же стремление к цели у нас всегда сопровождается страхом?

Все чего-то боятся: бабушка боится, что сосед украдет у нее доски из-под пола, боится пустой лестницы, боится, когда по лестнице кто-то идет, боится, что грабители на улице «подобьют» ей ноги, боится, что неудобно, боится, что заставят жить по-другому и все нам запретят. Мой муж боится не успеть, Егор тоже этого боится, Маша боится выбора, другая подруга Таня боится возраста, знакомый Володя панически боится, что не будет работы. Я теперь боюсь, не навязываю ли я окружающим, в особенности сыну, своего мнения, я боюсь еще, что подумают то, чего не было, но могло показаться. Еще больше я боюсь, а вдруг, все же было, и те, которые подумали, были правы.

Я смотрю на мальчиков: когда-то я послала их фотографию другу Тоду в Канаду, и он спросил, что эти мальчики собираются делать со своими жизнями. Ромка «бомбит» пока на машине, зарабатывая карманные деньги. Наш Алеша с важностью утверждает, что ему нравится «управлять процессами»: просуществовав все сознательное детство рядом с находящимся дома предприятием, он не хочет идти в наемники. Что они оба будут делать потом?

Вот и стоим мы, смотрим на свое немногочисленное потомство, нас мучают неуверенность, страхи и разнообразные проблемы, когда-то мы сумели напрячься и произвести их на свет, а теперь мало что можем им посоветовать, самих бы кто научил. А они уходят в дом смотреть телевизор, слушать свое шелканье и смотреть бессвязные картинки клипов, и мы только слышим из окошка их смех и неизменное «...ты, блин... я, блин...».

2004

Последний романтик

Нет больше в мире душевных песен, а только пародии на них, нет больше романтиков в мире, а только менеджеры, умеющие добывать деньги. Последний романтик сидит в будке на автостоянке на окраине Сиэтла, продает подержанные машины, а в перерывах между клиентами ходит по Интернету и пишет мне письма.

Он появился в моем компьютере в момент большого облома, когда книгу, публикации которой я уже не ждала, взялись-таки печатать на условиях, что я от нее откажусь; западные друзья, которые, как я ожидала, кинутся меня защищать, промолчали, и, отвергнув подлое предложение, я сидела на кухне на полу на закатанном ковре (мы тогда только что переехали) и горевала, погоревав, подходила с надеждой к компьютеру, а в ящик его поступали не серьезные и важные письма, которых я ждала, а открытки, записки и шуточки от Байрона Дейли.

Большой и маленький миры поменялись местами: в большом мире сплетни, как на коммунальной кухне, разговоры о товарах и ценах и тому подобная муть, а личный мир расширился, простерся за океан, можно обсудить с американским приятелем глобальные проблемы, выслушать (вернее, прочесть по email) его пламенный монолог об устройстве будущего (не своего, а – целого мира).

Откуда знаешь, что будет потом: подписывая контракт с западным издателем, не подумаешь, что он – кидала; молодой миллионер, неотразимый, как Хью Грант, морской пехотинец, прошедший Вьетнам, только усмехнется, если ему сказать, что он будет жить на пособие, нелегально работать на автостоянке, чтобы платить за жилье, что разбегутся все его жены и прочие красавицы, разве что забредет в будку выдавшая виды черная проститутка.

Можно, конечно, вопрошать «почему» и сетовать на то и на это; просто времена – не для безбашенных гуляк, надо уважать сухую цифру, а не носиться с бешеной скоростью в открытом «Порше», посылая дорожную полицию американским матом.

Вот и докатался и не отследил, не скинул вовремя сомнительные контракты, а когда спохватился и попытался избавиться от них через обанкротившийся банк, тут его и сцапали судебные приставы с глазами, как заклепки, и упекли голубчика в тюрьму, и накрылась медным тазом его удача.

А теперь что же, теперь остается лишь вспоминать, как ходил по Карибам на яхте, да травить семейные байки про дедушку-гангстера из Детройта, рассуждать о необходимости российско-американского альянса против террористов для спасения мира, или, хоть и редко когда пожаловаться, как он зол, и как ему бывает грустно.

И каждый вечер, только я выйду в сеть, он уже тут как тут. Я до последнего сопротивлялась, не хотела ввязываться в пустопорожную болтовню, но, в конце концов, купилась на шутку о карлике, которого прогнали с нудистского пляжа за то, что совал нос в неположенные места, и расслабилась, и рассказала про свои обстоятельства, зная заранее, что уж этот-то не поможет.

А с другой стороны, почему кто-то должен мне помогать? Это советская привычка, что ты – весь такой убогий и несчастный, и тебе все должны. Куда как приятнее жить, как живется, делать, что делается, и не почему-то, а просто.

И какая, в конце концов, разница, миллион читателей, или сто, или даже один, если он так проникся.

Так и пишем каждый день, у кого что: у кого-то на ланч чипсы и сэндвичи из тунца, а кто-то варит суп из крапивы, которую собрали на даче. Шлет газетные статьи, которые мне некогда читать, все же просит: «прочти», говорит, что не длинные, не с кем больше поделиться. Иногда фантазирует: вот приеду в Россию, организую трудящихся в профсоюз и буду бороться с русской мафией (русская мафия прямо умерла от страха). Мечтает приплыть на алых парусах к бескорыстной русской красавице, которая полюбит его за его бурную жизнь. Но поскольку

с деньгами на паруса напруг, письма уже пять лет, как пишутся мне, ну, разве устоишь против подобного постоянства.

Вот, собственно, и все. Если не получается, что хочется, бери, что дают, убеждай себя, что и оно неплохо. Все дороги куда-то ведут, что-нибудь да будет, даже если разбились мечты, будь, читатель, неприхотлив и не вешай носа.

2004

Структура

Это только кажется, что свобода, и можно делать все, что захочешь, на самом деле существует жесткая структура с ограниченным числом ячеек, в которых можно разместиться.

Работать можно торговым агентом или менеджером по продажам, если окончил институт, телохранителем или охранником, если спортсмен, моделью или в видеочате, если девушка, на рынке, водителем маршрутки или торговать дисками в переходе, если ни то, ни другое, ни третье.

Утром можно вдыхать аромат чая «Липтон», наслаждаться восхитительным кофе «Чибо», а если захочешь выпендриться и заварить, скажем, настойку из одуванчиков, очень скоро узнаешь, что и это уже схвачено фирмой «Эвалар – здоровья дар», которая рекомендует эту настойку всем для улучшения всего.

Читать можно триллер, иронический детектив, дамский роман, всякую фигню про гоблинов или эзотерическую литературу.

Пить можно «правильное пиво» или «пиво с мужским характером».

Слушать можно «Шансон», если с цепью и усами, «Ретро», если с лысиной и морщинами, «Динамит», если бритый или с проколотым животом.

Поехать отдохнуть можно на неделю в Турцию или в Египет, а если захочешь выделиться и убежать куда-нибудь в отечественные леса, там тебя, все равно, достигнет группа паломников, движущаяся по маршруту Муром-Дивеево с намерением прикоснуться к истокам.

Если задумаешь открыть бизнес, будешь торговать унитазами, пирожками или бытовой химией в ларьке, а на другой стороне улицы тем же самым будут торговать конкуренты.

Если заработаешь много денег, будешь покупать недвижимость, делать ремонт, бояться не туда и не так вложиться, будешь ездить не в Турцию, а на Канары, и все равно, не придумаешь ничего нового.

Если решишь никуда не вписываться и просто залечь с книгой на диван, в конце концов, все же потянешься собирать бутылки и займешь-таки соответствующую ячейку.

С развитием структуры количество ячеек будет расти, и при их большом количестве может показаться, что идешь своим путем, но, на самом деле, просто вписываешься в хорошо забытые ячейки.

Структура толерантна к нестандартным и несерьезным занятиям типа сочинения стихов, изготовления металлоискателей на дому или попыткам осмыслить бытие, потому что ячейки, возникающие самопроизвольно, как правило, временны и одноразовы, с исчезновением своих создателей рассыпаются без следа и не вносят в функционирование заметных сбоев.

2005

Злые духи

Она говорит, что мы безалаберно живем, что неправильно питаемся, что жить без супа нельзя. Она нас страшит: ее любимое присловье «вот будет близок локоток», это относится и к тому, что Алеша ходит по ночным клубам, в которые я его «пускаю», и к тому, что нельзя так поздно ложиться спать, надо заботиться о здоровье. Ее идеал: чтобы мы с ней вместе варили что-нибудь на кухне, потом это ели и при этом калякали, словно крутя волшебный горшочек, перебирая моих знакомых (ее – все умерли), их дома, что готовят в этих домах, и кто при этом во что одет. Когда я, не солоно хлебавши, прихожу домой после неудачных квартирных просмотров, она удовлетворенно констатирует: «Ну, ничего, впредь будешь умнее и не станешь больше никуда ходить». Она говорит, что сидит у нас постоянно одна, что я разорила ее гнездо, отучила ее жить самостоятельно, и все это на самом деле не так, потому что жить одна она больше не может, а разорение «гнезда» свелось к выносу висящей там без надобности не знаю сколько лет одежды и валяющихся на всех полках пузырьков от лекарств. Если, сдерживаясь из последних сил, я подливаю в чай бальзама, чтобы расслабиться, она, в лучшем случае, не заметит, а, в худшем, обеспокоенно спросит, а не вырабатывается ли у меня привычка к алкоголизму.

Она смотрит только один сериал, не умеет уже себя занять, не читает. Она сидит дома и ждет меня, а если меня долго нет, звонит на мобильный, видит во всем тайные умыслы, считает, что я надолго уйду из дома нарочно, вешая трубку, говорит: «Ну, ясно» с таким выражением, что, отсутствуя больше двух часов, я непроизвольно начинаю дергаться.

И все же, это не вся правда, есть и другая сторона, что жили мы жили, и было нам хорошо и свободно, вечерами стрекотали за своими компьютерами, никто никого не трогал, никто ни к кому не приставал, Алеша, бывало, скажет: «Иду – туда, приду, наверное, тогда», и мы только кивнем, выжидая, кто пойдет закрывать дверь, продвинутые современные люди с творческими устремлениями, родители с взрослым сыном, без антагонизма, с общей демократической идеологией, редкий случай, с общим чувством юмора, без патриархальности, семейных обедов и всякого такого, ели часто по очереди, что бог послал, но иногда собирались вместе что-то обсудить и советовались и смеялись. Алешины друзья дивились, как это его до сих пор не напрягает жить с родителями, и хотя он говорил, что не уходит от нас из-за общего Интернета, мы-то знали, что так, да не так.

И вот все изменилось, появилась у нас кряхтящая и шаркающая старушка с иным мировоззрением – что нам хорошо, ей плохо, что плохо – то хорошо, теперь я даже не знаю, как мы с ней были раньше, какая она была, какая – я, в последнее время я тратила, сколько могла, на ее еду, врачей и витамины, будто откупаясь, носила ей сумки и старалась поскорей свалить, но, проведя с ней неделю летом во время болезни, поняла, как она на самом деле здесь одна живет, когда все чудится и мерещится, и лезут отовсюду всякие твари и все вокруг будто замышляют злодейство, и никого нет, чтобы отвлечь и разубедить, только телефон.

И забрали, поломался, нарушился быт, сначала, постоянно чувствуя на себе ее скорбный взгляд и слушая о всеобщих кознях, я не выдерживала, будто мне перекрыли воздух, выволакивала с грохотом из дома велосипед и каталась в парке. Гриша был с ней на удивление мягок и доброжелателен, но только по-первости, пока у самого не начались проблемы с новым прибором, пока не начал нервничать и не смог уже выносить пространные рассуждения, как было бы хорошо, если бы в доме готовилась разнообразная пища. Алеша же ведет себя просто по-хамски, восклицая: «Отвали, достала!»

И, схватившись за голову, я стала думать, неужели, и правда, разговоры о добре и милосердии – в пользу бедных, принципы, которым я, кажется, раньше следовала – лицемерные и ложные, а на самом деле – кто кого, или она перестанет говорить, что хочется, потеряв при

этом свою индивидуальность, или мы в качестве самообороны объединимся в «Красную бригаду» против бабушки, собственной матери, чтоб не навязывала своей тощищи. И чтобы поддержать в доме какой-то баланс, я должна быть ангелом, идеальным человеком, потому что каждый раз, глядя, как старенький снусмумрик сидит, поверженный, на своей коечке, обхватив седую голову руками, воплощая мировую скорбь после того, как его заткнули в три глотки творческие люди, точь-в-точь Ван-Гоговский «Горящий старик», сил нет никаких на это смотреть, и в то же время нет сил испытывать постоянные стрессы от приводящего в ступор вопроса: «Зачем?», относящегося ко всему мало-мальски неутилитарному, выходящему за пределы простого существования, будто стреножили, посадили на цепь, и никуда ведь теперь не уйти – не уехать, смотрит на тебя, воплощенный укор, так и тянет за собой в черную яму, и надо найти силы, чтобы и самой туда не свалиться и ее оттуда извлечь, обратив по возможности в свою веру.

Решила сначала воспользоваться чужой мудростью, стала изучать буддизм, благо клиент из Шри-Ланки подсунул книжку, вынесла известные мысли о победе любви над злом, о нравственной дисциплине и еще одну малопривлекательную мысль об отсутствии себя, в которую если уверуешь, то будет Нирвана. Взяла Эриха Фромма «Искусство любить», согласилась, что люди испытывают потребность в любви, в основном, не из-за Фрейда, а чтобы преодолеть отъединенность и слиться с себе подобными, и что в качестве инструмента нужны смирение, мужество и тому подобные правильные вещи, говорить о которых легко, а пооди, претвори на деле.

И, отложив книжки, придумала, в конце концов, собственную теорию о том, что она, я, все люди – ничего себе, неплохие, но всех обуревают злые духи, побуждающие мучиться, сомневаться, подозревать, презирать иное и слабое или привносить в жизнь других людей собственное мировоззрение. Человеку работоспособному и относительно (как я) молодому легче с ними справляться, чем дряхлой старушке, и все же и она по-своему старается – варит на всех картошку, моет посуду, чтобы принести пользу, занять себя и разогнать черные мысли.

И теория на удивление прижилась, вызвала улыбку, была взята на вооружение (часто теперь, высказывая какое-то суждение, она, по-детски округляя глаза, заговорщически прибавляет: «честно, без злых духов!»), а Гриша пообещал подарить нам с ней воронье крыло, чтобы заткнуть его за люстру и разгонять вредоносные силы. Не могу сказать, что эта теория явилась волшебным избавлением, может, просто прошло время и попривыкли, но живется нам теперь вроде полегче, понимаешь, что это не какое-то чуждое существо, а все та же моя мама, когда-то – надежда и опора, просто одолеваемая теперь злыми духами, и надо взять воронье крыло, помахать им во все стороны и сказать: «Кыш, кыш!»

2005

Быть или не быть

Получить автомобильные права и не ездить, или ездить декоративно, по пустому двухполосному шоссе в будний день с бдящим рядом мужчиной, обгоняя иногда сенокосилки или пассажирские автобусы, замирая от собственной смелости, обозначая причастность, или однажды взбунтоваться и преодолеть нерешительность и мужской шовинизм, усесться за руль посреди забитого проспекта, и пусть глохнет мотор и дергается коробка передач, и кричит и машет руками сидящий рядом мужчина, и гудят и матерятся мужики в соседних машинах, заводиться и дергаться, ошибаться и исправляться и, в конце концов, научиться, пусть не так хорошо, как они, но уж как умею, и добиться, и завоевать право взять ключи и поехать с бабушкой в поликлинику.

Ужасаться порочности и несправедливости мира, уединиться на хрустальной горе в белых одеждах, не принимая существующего порядка вещей, писать об отстранившемся себе, не быть понятным и обидеться, презреть, уйти со сцены, не попытавшись на нее взойти, или каким-то боком зацепиться, влиться, доказать свою нужность, пусть и в самом невероятном виде, перейти на другой язык, пойти на компромисс, присовокупить сундук всякой ерунды к выстрадавшему мешочку серебра, втюхать таким хитрым способом свой мешочек, доказать миру и детям, пусть не так, как хотелось бы, но уж как получилось, вписаться, занять нишу, познать жизнь и уже с этих позиций вздыхать о несовершенстве.

Быть идеальным человеком, не думать о себе, а только о других, не поступаться принципами, спешить на помощь, изнуряться, беспокоиться, в конце концов, возненавидеть пестуемых за все сделанное им добро, укоряя их с горечью и досадой за то, о чем они не просили, или быть аморальным человеком, делать в первую очередь то, что нравится себе, не жалеть ради красного словца даже родных и близких, легкомысленно вставляя их куда ни попадая в рассказы, а потом врать, скрывать и оправдываться, генерировать при этом новые идеи, обеспечивать таким образом самоподдерживающийся процесс как для себя, так и для тех, кем воспользовалась.

Отрицать, кривиться, презирать, считать, что все люди – уроды, движимые низменными побуждениями, достойные поэтому соответствующего отношения, не исключая при этом и себя, а значит, все бесполезно и ничего не надо, или быть полной идиоткой, ходить с рязявленной варежкой, всех понимать, всех жалеть, оправдываться, что и Наполеон ведь не считал людей совсем уже лишенными благородства, легко идти на контакт, безоглядно веритьяся первому встречному и, подтверждая правило, что дуракам везет, миновать, хотя бы и до поры, неизбежные ужасы и обманы.

Все знать, просчитывать, отмеривать, размышлять, пожимать плечами, качать головой и не решаться, или ничего не знать, бросаться очертя голову неизвестно куда, прыгать, резать, бежать, делать, а думать уже потом, ужасаться глупости и все же переть, как паровоз, с неизвестно откуда берущимися убежденностью и уверенностью.

Не сделать и не узнать, думать, что если бы да кабы, смогла бы – ого-го – и в глубине души мечтать и надеяться, что чудо еще разразится. Или сделать, выложиться, постичь себя до конца, утратить иллюзии и раз и навсегда уяснить, что ничего необыкновенного уже никогда не случится.

2005

Если

Летать на самолете тоже рискованно, вообразить страшно, как там наверху случается взрыв, и что начинают (если что-либо вообще успевают) делать люди, соображая, что вот сейчас они упадут, и сколько минут они падают, и как, но все равно все летают, когда столько рекламы и скидки. Я знаю только одну женщину, которая не летает, но, все равно, она спрашивает про жаркие страны, вздыхая и расстраиваясь, что боится. Летающие тоже боятся, при приземлении хлопают в ладоши искреннее, чем в театре, единственное, что омрачает их радость от благополучного приземления, так это то, что придется еще лететь обратно.

Но вероятность здесь меньше, чем выиграть Мерседес, а вот на машине ездить рискованнее, хотя, все равно, все ездят, а, проезжая мимо ГАИ и видя искореженные кузова, думают, остался ли кто в живых, и как их оттуда вынимали, а, видя на дороге аварию, легковушку, захавшую под грузовик, ужасаются, как ее угораздило, радуются, если у них не «ВАЗ», но если пристегиваться, ездить потихоньку, всех пропускать, не забывать смотреть в боковые зеркала, и держаться подальше от дорогих машин, и эту вероятность можно снизить.

Если сидеть дома, риск будет еще меньше, но если постоянно сидеть у компьютера, навешивать виртуальную зависимость, и возникнут проблемы с общением, а потом дом тоже могут взорвать как раз в тот самый момент, когда ты сидишь и смотришь фильмы и клипы, надо обязательно собрать с жильцов деньги и поставить в подъезде видеокмеры, и все равно, кто-нибудь все-таки может просочиться, наверное, даже и лучше проводить иногда ночи в клубе, хотя там тоже может случиться пожар, но если ходить в один и тот же, можно как следует там осмотреться и, в случае чего, сразу кинуться к пожарной лестнице.

В театр, я думаю, в принципе, тоже можно ходить, если посчитать вероятность того, что именно в театре, куда ты пойдешь, снова что-то случится, она будет ничтожно мала, если прикинуть, сколько ставят по всей стране спектаклей. Я думаю, надо совершенствовать вкус и ходить лучше на концерты камерной музыки, мне кажется, вряд ли террористы позарятся на камерный зал, и потом, ведь и тогда многие все же остались в живых, надо только садиться подальше от вентиляционной решетки.

В метро ездить все равно придется, я думаю, лучше садиться в самый хвост поезда, в самый последний вагон, мне кажется, террористам невыгодно будет там взрывать, потому что тогда пострадает меньше всего народу, последний вагон, в конце концов, можно отцепить, из него легче всего выпрыгнуть и побежать назад, поэтому, хотя и некогда в него тащиться, это, наверное, надо делать, потому что там вероятность меньше.

И если сумеешь вылавировать среди всех этих ужасов и не попасть в опасный квадрат, то твоя жизнь тоже может считаться нормальной и благополучной.

2004

Тогда и теперь

Анна Ахматова когда-то сказала, что мы не знаем, в какое время мы живем, осознание особенностей текущего приходит после. И все же я попробую угадать: особенностью настоящего времени мне кажется всеобщая убежденность, что ничего необыкновенного больше уже не произойдет, все, что можно, уже случилось, остались только рутина и равнодушное примирение с ней.

В начале девяностых, наоборот, казалось, что все самое страшное и интересное впереди, как будто во весь дух летели то ли с горы, то ли в гору, не зная толком, куда вынесет, а теперь кажется, что вынесло на болотистую низменность.

В девяносто первом году я написала статью о нашем предприятии, которым, собственно, являлись Гриша да я, он – в качестве директора, конструктора и рабочего разного профиля, и я – бухгалтера и менеджера по продажам, – и о том, как Гриша работает дома в набитом техникой шкафу. Хорошая женщина Полина Семеновна запустила в газете статью в печать даже с нашим телефоном, обеспечив нам бесплатную рекламу. После была масса звонков, Гришу приглашали в разные большие фирмы, куда он добросовестно ходил и откуда без всяких результатов возвращался – у всех приглашающих идея была одна – прибрать к рукам прибор, а самого изобретателя задвинуть куда подальше, но у Гриши к тому времени уже был печальный опыт работы на «дядю». Причина, побудившая меня тогда писать статью, была скорее не материальна, а навеяна временем надежд: казалось, надо что-то такое сделать, и все изменится, фирма наша станет настоящая, жизнь – цивилизованная, и, вообще, будет красота (конкретные детали терялись в тумане).

Те же чувства тогда, кажется, испытывали и другие инженеры, пооткрывавшие научно-производственные кооперативы. Я помню, с каким энтузиазмом мы участвовали в выставках, наскребали деньги, заказывали стенды, все казалось таким значительным и важным, что вопрос о конкретной пользе вообще не стоял.

Мы по-детски увлеченно играли в свое карликовое предприятие, выдавая музей-квартиру Кржижановского, где я работала смотрителем, за офис, покупая у бомжей купоны бесплатных объявлений и рассылая их по городам и весям, (рука уставала писать) как единственно доступный инструмент рекламы. Самое интересное, что приборы-то Гриша в своем шкафу производил по-настоящему. А нелепый и несуразный антураж казался нам временным, и в этом чувстве мы были не одиноки: по следам статьи к нам шли и шли какие-то люди с завидными идеями об утилизации валеночной шерсти в качестве сырья для напыления, о строительстве в заброшенной церкви океанских яхт и спуске их в Обводный канал или с предложением сделать в Гришином шкафу источник питания для запускаемого тогда на орбиту марсохода.

Мы слушали пришельцев вполуха: они говорили, а мы давно уже делали, поглощенные текучкой, мы не задумывались о дальнейшем, мы верили, что судьба или некая сила, прошедшая нас через самые трудные времена, точно также укажет и дальнейший путь.

И вот прошло пятнадцать лет – вспомнить можно многое: как спрос на распылители упал, это стало окончательно ясно, когда воры, стащившие из нашей машины прибор, не смогли его продать и подкинули обратно; как мы еще пытались воспользоваться услугами рекламных агентов – меланхолического восточного юноши и отставного артиста Каунасского театра, толку от которых тоже было ноль. Как Гриша уселся разрабатывать новый прибор, металлоискатель, а я, чтобы заткнуть финансовую дыру, пустилась во все тяжкие – написала книгу на английском и, заманив ею в Интернете иностранных клиентов, открыла туристический сайт. Судьба вела, а мы следовали, вернее вприпрыжку бежали за нею. И вот теперь, через пятнадцать лет, когда несмотря на заметно прибавившийся возраст, мы по-прежнему бегаем, как сумасшед-

шие, чтобы заработать на жизнь, и это уже меньше вдохновляет, мы наблюдаем следующую картину, оглядевшись по сторонам.

Человек, вынашивавший идею строительства яхт на Обводном канале, ездит теперь по очереди с женой в Америку в качестве бэбиситтера к собственной внучке и подрабатывает там еще сбором мусора после ураганов. Разработчик марсохода там же – уехал после того, как марсоход рухнул в океан. Полина Семеновна, добрая женщина из газеты, по выражению живущих теперь в ее квартире людей, «переехала» в Израиль, ее дочка тоже, здесь у них не получилось издавать детский журнал. Наш приятель-инженер, у которого когда-то был цех в Купчине и офис на Литейном, остался в своем предприятии один, если находит заказ, арендует свой бывший цех, выполняя заказ на всех станках собственноручно, а если заказов нет, задвигает станки до лучших времен в заводском дворе под навес.

Мы все же расширились: у Гриши вместо шкафа теперь целая десятиметровая комната, где помещается наше предприятие: мы поменяли двухкомнатную квартиру на трехкомнатную, и Гриша по-прежнему выдает дома новые приборы в режиме нон-стоп.

В общем-то жаловаться грех, мы – сами по себе, делаем то, что нравится, а то, что приходится много работать, так, может, это и хорошо, лучше, чем киснуть и размышлять о бренности. Единственное, что ушло то прежнее чувство ожидания и надежды, ясно, что так все и будет, и ничего другого уже не произойдет. Но иногда, вспоминая слова Ахматовой, я думаю, а, может, мы все ошибаемся, может это чувство ложное, и впереди еще Бог знает какие события, ведь ошиблись же мы все в девяностые, думая, что вот еще чуть-чуть и...

2005

Недвижимость Санкт-Петербурга

Работа агента по аренде никогда не кончается, нельзя сказать: «вот сделаю это и буду свободна», или пообещать: «во столько-то я отделаюсь».

Звонят клиенты и просят квартиру, я ищу ее по всем ресурсам, обращаюсь к другим агентам, которые, в свою очередь, спрашивают, нет ли у меня другой квартиры под других клиентов, и я переключаюсь на другую квартиру, обзваниваю еще других агентов, на этом пути я могу опять ответвиться, забрести, вообще, неведомо куда, забыть про точку отсчета, и удивительно, что, блуждая по этому лабиринту, я все же нахожу точки пересечения, когда удается что-то у кого-то снять и кого-то куда-то поселить и при этом получить деньги.

Деньги, конечно, важны, но еще важна и игра, когда надо заполнить клеточки, соединить концы, найти недостающее звено, упорядочить, удовлетворить запрашивающего, закрыть тему, сбросить регистр и начать все по-новой. Хотя все всегда перехлестывает, что-то еще не закончилось, а начинается другое, невозможно разграничить, отсечь, освободиться, отвлечься, всегда что-то висит и не дает расслабиться.

Я спускаюсь спиралью по лестнице вокруг едущего вниз лифта с двумя трубками в руках – в лифте плохая связь, а мне надо вызвонить Александра или Полину, потом хожу по скверу, ожидая ответа, поглядывая на сидящих на лавочке с чемоданами клиентов, которых не знаю, куда везти, знаю только, что нельзя упустить, потому что потрачено столько времени.

Бывают комбинации победоносные и быстрые, как переход Суворова через Альпы – Полина откликается, и через полчаса дело в шляпе, клиенты заселены, деньги получены и поделены, и мы с Полиной сидим во французской кондитерской, вспоминая былые победы.

Александр, лучший агент из всех, говорит, что эта работа, вроде и свободная, а, с другой стороны, совершенно не принадлежишь себе: только соберешься, скажем, ни в кои годы, в лес за грибами, как кто-то свалится на голову, и подхватишься и побежишь совсем в другую сторону.

У меня день рождения, я хочу пораньше прийти домой, но звонит телефон, и я мчусь в аэропорт, по горящим глазам и бледному лицу убежденного вегетарианца узнаю прилетевшего американца, везу его на квартиру, которую он немедленно отвергает, углядев сидящего на стене комара, хоть я и убиваю насекомое и, обойдя с американцем стены, демонстрирую полное отсутствие иных особей.

Гости сидят за столом, пьют за меня, я же не с рюмкой, а с телефонной трубкой в руке, между тостами прозваниваю варианты. Среди гостей и американец, которого некуда девать, наворачивает овощи в подставленной тарелке, а мой двоюродный брат, подкладывая ему еще баклажан, в ответ на причитания бабушек, невозмутимо пожимает плечами: «А что ж вы хотите, это работа...»

Когда ходишь по городу, смотришь уже не на фасады домов, видишь их, скорее, в разрезе: пытаешься угадать, а что там внутри, какие лестницы, какие двери, коммуналка или расселенная, сколько комнат, какой ремонт, сдают или живут сами. Хотя большая часть центра уже освоена, проезжая по Мойке, Рубинштейна или по Невскому, тут и там отмечаешь знакомые окна, и сразу вспоминаешь длинную цепочку людей, которых туда селила.

Итальянца, приехавшего жениться в компании двенадцати друзей, загулявшего с друзьями и оставившего невесту без ключей в темной квартире с вырубленным электричеством.

Американца, приехавшего к русской девушке, и так и не нашедшего ее, перепутавшего ее телефонный номер с номером заказа такси.

Англичанина, попавшего в ужасную трущобу, где его закусили блохи.

С получением денег все не кончается, услышав в трубке уже знакомые голоса, напрягаешься и ждешь, и обычно не обманываешься: кто-то въехал в квартиру без горячей воды, кого-то обокрали, кто-то забыл в квартире ключи и в три часа ночи не может попасть домой, кого-то забрали в милицию. И выругавшись словами, которые позволяет употреблять воспитание, я звоню хозяевам и начинаю трясти с них деньги на водогрей или на железную дверь, или бужу мужа и еду с ним ночью на машине через весь город (воспитание позволяет ему употреблять и гораздо худшие слова), и Гриша лезет по дереву в окно, чтобы впустить в квартиру отчаявшегося иностранца. Или воюю в милиции с ментами, забравшими в вырезатель клиента-соотечественника, нигде не зарегистрированного и поэтому постоянно попадающего в кутузку, еще к тому же нарезавшегося с горя из-за того, что его бросила жена. И ожидая, пока, по выражению ментов, клиент «вырезвится» и его можно будет транспортировать домой, я успеваю встретиться с подругой, посидеть в кафе и пожаловаться, что нет никакой жизни, а потом еще, выжидая срок, пошататься в Апрашке по отделу бытовой техники. И, разглядывая разного вида кофеварки, я думаю, что и этот вечный цейтнот тоже, наверное, жизнь, только более концентрированная, как кофе-эспрессо по сравнению с обычным кофе. Чем выше в кофеварке давление, тем вкуснее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.